

Эва Стась

Представление пространственной удаленности в русской и польской фразеологии

Понятие расстояния, его оценка, несомненно, связывается с органом зрения, а также с границей горизонтальной линии. Совмещение этих двух элементов способствует тому, что человек понимает, во всяком случае, старается понять то, что он видит. То, что недоступно глазу, приобретает черты таинственного, неблагоприятного, а возможно также и зловредного. Подобный подход к действительности и характер ее восприятия можно рассматривать как признаки архаической модели мира, получающей свое отображение в языке. Наиболее полно выражается это во фразеологии, единицы которой в определенной степени застыли и влиянию времени не поддаются. Время действует на них только таким образом, что некоторые, передвигаясь в пассив и оставаясь в лексикографических источниках, в живой речи перестают использоваться.

В связи с этим задачи, которые мы ставим перед собой, будут сводиться к тому, чтобы 1) отобрать единицы, продолжающие использоваться в речи; 2) на основании их анализа показать, что упомянутая архаическая модель для сознания не исчезла, воплощаясь в стереотипах современного мышления; 3) сопоставить образы мира, запечатленные в двух выбранных языках. Исходя из этих задач, отобранные из лексикографических источников фразеологические единицы (ФЕ) прослеживались нами в их использовании в текстах. Русскоязычный материал для исследования выбирался из газетного варианта национального корпуса русского языка (НКРЯ). Что касается польского аналогичного материала, поскольку отдельного выделяемого газетного варианта польского корпуса (НКJP) не существует, выборка ограничивалась только корпусными данными, почерпнутыми из газет или журналов. Язык средств массовой информации, как нам кажется, наиболее очевидно свидетельствует о живом употреблении, давая возможность получить представление об активном составе ФЕ.

Пространство, в том числе также семантическое, ограничивается с двух сторон понятиями, соответствующими «близости» / «дальности»,

реализуясь для языка наречиями *blisko* / *blisko* и *daleko* / *daleko*. Использование соответствующих ФЕ, заменяющих названные наречия, позволяет разнообразить речь, сделав ее более красочной и эмоциональной.

Поскольку некоторые аспекты понятия близости были уже объектом анализа в наших работах (Straš 2007, 2011), внимание будет уделено фразеологическим единицам с семантикой дальности в разбираемых близкородственных языках. Фразеологизмов, синонимичных наречию *daleko*, достаточно много. Это такие, как *за тридевять земель; за морями, за долами; за семью холмами, за семью реками; на краю света; у черта на куличках (на рогах); на край света (земли); к черту на кулички (рога); к чертям на кулички (на рога); бог знает где; не ближний свет; куда Макар телят не гонял; куда ворон костей не заносил (не носит)*. Большинство из них образует синонимические ряды, объединенные семантикой удаленности, сохраняя при этом нюансы своего значения. Их перечень, созданный с опорой на словарь синонимов (СФС 1987), можно дополнить единицами, отобранными из других источников: *на Кудыкину гору; в тридевятом царстве; в тридешатое царство; за тремя морями; к чертовой матери (бабушке)* (Макарова 2011), что ни в коей мере не исчерпывает всего богатства единиц русского языка. После проверки использования перечисленных ФЕ в газетном корпусе оказалось, что некоторые из них встречаются часто: *за тридевять земель; на край света; на краю света; у черта на куличках; к чертовой матери* (свыше 20 раз), другие менее регулярно: *за морями; к черту на кулички; к черту на рога; не ближний свет; на край земли; к чертовой бабушке* (от 10 до 20 раз), третьи значительно реже: *за морями; за тремя морями; в тридевятиом царстве; куда Макар телят не гонял; на Кудыкину гору* (менее 10 раз). Приведенные факты не могут служить доказательством неиспользования других единиц в языке, но без подобных свидетельств трудно судить объективно об их активности либо наоборот, поэтому мы ограничимся при анализе материала теми, которые обладают подобной частотностью как несомнительной, поскольку в корпусе себя обнаруживающей, чертой.

Польских ФЕ, определяющих большое расстояние, также довольно много, особенно если учесть материал большого фразеологического словаря: *za dziewięciu rzekami, za dziewięciu górami; za górami, za lasami; za siódmą górą, za siódmą rzeką; za siedmioma górami, za siedmioma lasami (za siedmioma morzami); za siódmą górą, za dziesiątą górą; za dziewiątą górą, za setną górą; na końcu świata, na krańcu świata; (tam) gdzie diabeł*

mówi (ludziom) dobranoc; za dziesiątą granicę; na skraj świata, na koniec świata (SFJP 1985). Их разнообразие, особенно с учетом возможности сочетания с числительными, можно считать значительным, культурно и исторически обоснованным. Проверка использования в ресурсах национального корпуса также помогает определить их частотность для современной речи. В порядке убывания это выглядит следующим образом: *na końcu świata, na koniec świata, na krańcu świata; za górami za lasami, za siedmioma górami, za siódmą górą; za siedmioma górami, za siedmioma rzekami; gdzie diabeł mówi dobranoc; gdzie pieprz rośnie*. Именно эти единицы и будут предметом анализа в нашем исследовании, сопоставляясь по соответствующим парам с ФЕ русского языка с опорой на польско-русский и русско-польский фразеологический словарь (WSF 1998).

Как представляется, тот или иной избираемый подход к изучению языкового материала должен следовать из самого этого материала, значит, должен учитывать все представленные выше ограничения, связанные с отбором соответствующих единиц. Лексическое наполнение языковых единиц, лежащее на поверхности в отношении данного материала, нуждается в изучении их смысла, с опорой на образность и некоторые особенности восприятия пространства. Тут следует назвать: сказочность, связь с архаической моделью мира и следующую из нее боязнь неизвестного и таинственного. Все они проникают друг друга, так, что иногда трудно отделить одно от другого, однако в данной работе мы все же предпримем подобную попытку.

Выражением, на наш взгляд, наиболее обобщенно обозначающим и место нахождения, и перемещение можно считать *за тридевять земель*. Это ФЕ, называющая некое место как неопределенное, находящееся в не уточняемой дали. Отмеченную двузначную одновременность иллюстрирует следующий пример: *Люся могла оставить кого угодно с кем угодно, если есть роль*. Она неслась за тридевять земель, она думала только о том, что она хочет это сыграть. Вместе с тем встречаются такие употребления, смысл которых может предполагать отнесенность к конкретным пространственным объектам: *Он не скрывал удивления, что слышит родную корейскую речь, находясь за тридевять земель от родины, в Ростове*.

Рассматриваемая ФЕ восходит к более развернутому зачину сказок: *за тридевять земель, в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве*, из которого берется только первая часть, а остальные как бы

подразумеваются. Сказочный характер сохраняет польское выражение *za <siedmioma> górami, za <siedmioma> lasami*, согласно словарю (WSF 1998) частично эквивалентное разбираемой русской ФЕ. Однако польская единица менее обобщенна, чем русская *за тридевять земель*.

Касаясь вопроса сопоставления единиц, более близкой в отношении образности польской следовало бы признать зачин из сказки «Конек-Горбунок» *за горами, за лесами, за широкими морями...* Однако можно ли его относить к фразеологии? К этому стоит добавить, что в польской ФЕ наблюдается модификация компонентов: *za <siedmioma> rzekami, za <siedmioma> morzami*. Показательно также, что в виде объектов препятствия на пути отмечаются водоемы. В принципе, трудно установить строгие границы ФЕ, тем более, что приводимые выражения берут свое начало из сказок. Определяющим признаком может быть только частотность, более свойственная выражению со словами *góry, lasy* (горы, леса).

Сказке, как известно, присущ прием троекратности. Третьим элементом разбираемого выражения выступает находящееся в препозиции указание на далекие времена. В состав рассматриваемой ФЕ он не включается, хотя нередко встречается в речи: *Dawno, dawno temu, za siedmioma górami, za siedmioma lasami były bezradne, nieszczęśliwe księżniczki, byli i rycerze. Teraz – są reklamy*. Как правило, после такого зачина так или иначе появляется упоминание о сказке. Единицам, не сохраняющим троекратности, сказочность присуща в значительно меньшей степени: *Za siedmioma górami i siedmioma rzekami... – tak mogłaby się zaczynać opowieść o wyprawie na zgrupowanie reprezentacji Niemiec*. Очень редко можно встретить только одну часть ФЕ: *Tak jest za siedmioma górami, ale nie w Polsce!* И хотя троекратности при таком употреблении не наблюдается, усеченные ФЕ сохраняют оттенок сказочности за счет числительного *siedem* (других магических чисел, фиксируемых С. Скорупкой, в употреблении соответствующих ФЕ не обнаружено).

Выражение *za górami, za lasami* без числительного оказалось наиболее частотным, но и менее образным (сказочным):

Zglobalizowana współczesność nie pozwala już na wmawianie czytelnikom, że gdzieś tam, za górami, za lasami, żyją psiogłowcy, ludzie z głowami psów, ale mimo to dziennikarstwo zawsze po trosze będzie podszyte nieprawdliwością.

Два следующих примера предполагают возможность, указывая на соответствующие населенные пункты, оценить расстояние:

Bobowa, mała miejscowość gdzieś za górami, za lasami, daleko od turystycznych szlaków. ... Cicely leży za górami, za lasami, gdzieś na Alasce.

Тем самым, мысль о далеком расстоянии передается в польском языке посредством представления о преодолении движением глаз преград в виде гор, лесов, а также водоемов, встречаемых на пути. Для русского представления удаленность связывается, в первую очередь, с преодолением определенного количества земель и государств (трижды девять, трижды десять). В обоих случаях мотивы заимствуются из сказок, хотя, как нам кажется, в польских ФЕ связь с источником ощущается более сильно, чем, скажем, в такой единице, как *за тридцать земель*, для которой смысл контекстного употребления далеко не обязательно сохраняет сказочную соотнесенность. Рассматриваемая ФЕ может употребляться в любом контексте ввиду сильной спаянности компонентов, в то время как эквивалентные выражения в польском языке обладают меньшей степенью семантической слитности и употребляются в текстах сказочного, а также рекламного характера.

В свою очередь, выражения со значением местонахождения *на краю света*, *на краю земли* и пространственного перемещения *на край света*, *на край земли* отображают способ восприятия мира, в том числе и расстояния, предполагающий представление о линии или границе, на которой заканчивается известное и начинается неизвестное. Определяется все это человеческим глазом и находится у горизонта. Мир, тем самым, имеет свою границу, или конец. Подобный подход к действительности отражается в следующих контекстах:

Если же мечтать о своем личном рае, то я выбрала бы любое место, даже на краю света, но чтобы жить там со своим мужем, со своими родителями...

Местоположение того, о чем говорится, неважно, а потому, отчасти, и не определено. Сходную идею можно увидеть в таком примере:

Еще Саламбек напомнил русским, что их государство совсем не за них в отличие от Чеченской Республики, готовой вступить за соотечественников хоть на краю света.

И в этом случае подчеркивается неизвестность подразумеваемого места, все равно где, в любом уголке земли. В некоторых случаях имеются в виду и вполне определенные, хотя и далекие, страны:

... со своими российский лидер не упустит возможности встретиться и на краю света [в Австралии]; Они сохраняют в Америке – как говорится, на краю земли – исконно русское Православие.

ФЕ может называть место, обладая при этом атрибутивным значением:

Для жителей маленькой страны на краю света [Новой Зеландии], вторая мировая – совсем не то, что для нас, россиян, где едва ли не каждая семья понесла потери... И подобное происходит не в каком-то Богом забытом детдоме на краю земли, где нет денег и воспитателей.

В первом из приводимых примеров называется конкретное «запредельное» место в пространстве (далекая и другая страна), во втором – объект своего, хотя и не определенного, удаления.

Перемещение в пространстве находит свое отражение в сочетаниях с соответствующими глаголами, в том числе и предполагаемыми: *[персы] обожают своих хозяев и готовы следовать за ними на край земли. ... Да и вообще я с суженой хоть на край земли!* В этих случаях не указывается на реальное место, речь идет о пространстве условном и умозрачительном (Яковлева 1994: 28). Это могут быть также и отдаленные районы на Дальнем Востоке:

Вначале вместе с семьей подался в Красноярский край, затем на край света – на Сахалин... Магаданскую область облюбовали иностранные туристы-экстремалы. Они едут на край земли за острыми ощущениями.

Сопоставление анализируемых фразеологизмов с польскими единицами позволяет обнаружить их эквивалентность. ФЕ *na końcu (krańcu) świata* наиболее полно отображает указанный способ восприятия мира и расстояния. Употребление данного словосочетания можно проиллюстрировать контекстами, указывающими на неизвестность местонахождения:

Podobno gdzieś na końcu świata jakiś pechowiec zmuszony był do uiszczenia opłaty za sto lat przetrzymywania książki. Widać była tego warta.

Это может быть и конкретное расстояние:

Bo ta wojenka »dzikusów«, prowadzona gdzieś na końcu świata ... w 1994 roku Hutu wymordowali blisko milion Tutsi.

Война в Африке, оцениваясь с позиции наблюдателя-европейца, предполагает реальной возможность измерения расстояния в соответствующих единицах. Вариант *na krańcu świata* можно отметить как более высокий с точки зрения стилистической. Подтверждает это и следующий пример:

Arabowie nazywają Maroko krajem zachodzącego słońca. Dlaczego? Bo jest położone na krańcu świata muzułmańskiego.

В связи с подобной окраской единица эта встречается реже.

Направление, при этом не определенное, передается с помощью одной только ФЕ *na koniec świata*:

Natomiast samochód ... to BMW 740 i. Można nim jechać na koniec świata...

Хотя подразумеваться или называться может также и конкретное место:

...wyjechać gdzieś na koniec świata (najlepiej do... Australii)...

Следует сказать, что выражения с лексемой *koniec* практически не содержат образности, за исключением, может быть, случаев упоминания об очень отдаленных местах, если речь идет, например, об Австралии, Новой Зеландии или Антарктике, предполагающих древние представления о мире с наличием антиподов – обитателей противоположной части земли. *Antypody*, как известно, обозначают точки земного шара, диаметрально противоположные. Если смотреть сверху, это и будет конец земли. Подобному представлению сопутствует убеждение, что на противоположной стороне все происходит наоборот, люди ходят вниз головой, а растения растут вверх корнями. Времена года, в том числе смены дня и ночи, хотя и объясняются не без учета научных знаний, содержат также немалую долю мифических и фантастических представлений, что отражается и в фольклоре,¹ и в славянской мифологии,² и в современных текстах.³ Из этого следует, что и в настоящее время идея о существовании противоположного мира, основываемого на иных законах природы и поведения человека южного полушария, жива.

Выражение *у черта на куличках (на рогах)* напоминает о наличии темных сверхъестественных сил. *Черт / diabeł* не просто олицетворение и воплощение зла, но и враг человеческого рода, а потому от него ничего хорошего ожидать нельзя. Помимо черта значимым компонентом в составе ФЕ являются *кулички*. Этим словом называются болотистые и вязкие места в лесу, находящиеся, как правило, далеко от человеческих селений. Именно там, по суеверным представлениям, обитают злые духи. Сам черт ассоциируется с черным цветом, болото также черное, в этой связи возникает ассоциация с неприятным, неясным и зловредным.

1 Например, в сказках Барин и Мужик или Жена-Доказчица (g-lu-natali2011.narod.ru/index/0-881).

2 Ночью Дажьбог светит нижнему миру. См. <https://books.google.ru/books?isbn=5457406881>.

3 В качестве примера можно привести соответствующие тексты на обоих языках. Адреса сайтов: <http://kutw.pl/moj-madagaskar>. (30.12.2014); <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2988/> (30.12.2014).

Такое положение, и без рогов, должно вызывать чувство страха, угрозы и представление об опасности. Место, о котором речь, как было сказано, недоступно человеку, а поэтому неведомо:

Она [фирма] располагалась у черта на рогах, в омерзительно грязном районе, в помещении какой-то страшной пищефабрики.

Называется место, говорящему известное. В другом случае это может быть далекая страна:

Ну кто это придумал провести чемпионат мира по тяжелой атлетике у черта на куличках – в Доминиканской Республике?

Следует добавить, что ФЕ обладает отрицательной коннотацией. Рассматриваемой ФЕ в польском языке соответствует ее частичный эквивалент – *gdzie diabeł mówi dobranoc*. И хотя черт здесь ведет себя весьма культурно, желая доброй ночи, место это продолжает оставаться отдаленным, заброшенным и отчужденным:

Pięć osób ... trafiło do palacu w Sasinie koło Leby, na odludziu, gdzie diabeł mówi dobranoc. Jesteśmy gdzieś w środku Północnego Terytorium [Australii], gdzie diabeł mówi dobranoc.

Для определения направления в русском языке употребляется то же выражение, но с другим предлогом:

Сегодня – покупай путевку и езжай хоть к черту на кулички; Исковававшиеся по теплу россияне готовы махнуть к черту на рога, лишь бы там было море и солнце.

В обоих случаях места не уточняются, предполагая некое условное пространство. Контекст, указывающий на конкретное место, найти сложнее, но и это возможно:

А в душе моей жили грезы ... что наш с Тарантино фильм станет обладателем как минимум двух «Оскаров»... А иначе не было никакого смысла тащиться через океан к черту на кулички.

Как известно, вручение «Оскаров» происходит в Лос-Анджелесе, а из Европы туда совсем не близко. Словарь Ю. Люкшина (WSF 1998) в качестве частичного эквивалента ФЕ *к черту на кулички* приводит также выражение *gdzie pieprz rośnie* '(бежать) очень далеко', что подтверждается словарем синонимов on-line. Традиционно эта единица сочетается с глаголом *ucieć / uciekać* и его синонимами, что соответствовало бы выражению *куда Макар телят не гонял*, хотя в последнее время, особенно в разговорной речи, можно отметить утрату связи с соответствующими

глаголами, ФЕ становится все более обозначением отдаленного места. Тем не менее, в текстах корпуса во всех употреблениях (142) сохраняется идея бегства, то есть «новая» семантика не подтверждается.

Черт в русских и польских ФЕ может быть воспринят и в религиозном (преисподняя), и в мифологическом (нижний мир), и в традиционно-бытовом (злой дух, вредящий человеку), и в сказочном контекстах (сказки о чертях и мужиках известны и в русском, и в польском вариантах). Что касается польских представлений, он здесь, по всей видимости, обходителен, а потому нестрашен, неопасен и маловыразителен. ФЕ *gdzie diabeł mówi dobranoc* обладает в наше время слишком малой долей экспрессивности, сохраняется в нейтральном стиле, заменяясь в речи более ярким выражением *gdzie psy dupami szczekają* ‘в заброшенной глуши, на краю света’ (букв. где собаки жопами лают), фиксируемым одним только толковым словарем (PSWP 1996). Чаще всего это выражение используется в атрибутивной функции, заменяя собой два ранее рассмотренных – *na końcu świata* и *gdzie diabeł mówi dobranoc*. Данную ФЕ можно считать калькой с соответствующей немецкой (*Hunde bellen mit dem Schwanz*).⁴ Калькирование не мешает признавать ФЕ своей, записанной к тому же польским собирателем фольклора О. Кольбергом и продолжающей существовать и в наше время в деревенских масленичных песнях и в таком контексте встречающейся в составе корпуса польского языка.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. Исследуемые ФЕ сохраняют свой образный характер, указывая на места как очень отдаленные, так и более близкие, локализованные в доступном восприятию пространстве. Они могут называть также места, находящиеся в не слишком далеком окружении, то есть находящиеся в обжитом пространстве. Имеется также группа примеров, предполагающих положение «в неведомой дали», которую можно назвать условным, умозрительным, бытийным квазипространством (Яковлева 1994: 44), поскольку пространство это никак не уточняется. Оно существует в мыслях, планах, мечтах, не получая реального воплощения.
2. Сказочность, архаическая модель мира и наличие темных сил наиболее выразительны каждая в соответствующей группе примеров, хотя, как было сказано в начале, они могут взаимопроникать друг друга. По поводу сказочности, ввиду ограниченного количества рассматриваемых

4 См. <http://russtouristo.livejournal.com/406667.html?thread=2918283> (30.12.2014)

единиц, высказываться трудно. В обоих языках она большая. Достаточно посмотреть примеры, оставшиеся за рамками анализа. Эквивалентность единиц, отмечающих границу мира, позволяет увидеть их симметричность в обоих языках. Черт в польском материале постепенно уступает место лающим «обратным» местом собакам.

3. Языковая картина мира, фрагмент которой вырисовывается исследуемыми единицами, позволяет, с одной стороны, увидеть ее архаическую традиционность, а с другой, стирание грани между мифологическими и научными воображениями. Расстояние, в том числе и удаленность, измеряясь физическими единицами, находит свое соответствующее выражение и в контекстах, которые определяют расстояние объективно, приближаясь к научному восприятию окружающей действительности, не оказывая вместе с тем существенно влияния на оценку говорящего. В результате пространство и его оценка оказываются субъективными. Как показывают выбранные нами примеры, определения, синонимичные наречию далеко, равно применяются к объектам, находящимся на расстоянии нескольких, нескольких сот и нескольких тысяч километров.

Научное представление об окружающей действительности (местонахождение городов, стран, континентов) противопоставляется «донаучному», связанному с архетипическим воображением о конце мира, с мифологическим восприятием (черт, лающие «обратным» местом собаки). Сопоставление ФЕ обоих языков позволяет увидеть своеобразие национальных черт русской языковой картины мира, проявляющегося, в частности, в виде счета девятками, представления о куличках, а также вероятное влияние немецкого языка на обогащение польского фразеологического фонда.

Источники и литература

- МАКАРОВА, Мария В., 2011: Лингвокультурная специфика репрезентации пространственных отношений в русском и немецком языках. АКД, Волгоград. Адрес сайта: vgpu.org/sites/default/files/disfiles/avtoreferat_makarova_m.v.rtf (26.12.2014).
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. Адрес сайта: <http://www.ruscorgo.ru> (16.12.2014).
- СФС 1987 = *Словарь фразеологических синонимов*. Ред.: Влас П. Жуков, Михаил И. Сидоренко, Владимир Т. Шкляров. Москва: Русский язык.
- ЯКОВЛЕВА, Екатерина С., 1994: *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. Москва: Гнозис.

- NKJP = Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: nkjp.pl/ (20.01.2015).
- STRAŚ, Ewa, 2007: Czynniki antropocentryczny a intensyfikacja relacji przestrzennych w języku polskim i rosyjskim. Piotr Czerwiński, Andrzej Charciarek (red.): *Język w kontekście społecznym i komunikacyjnym*. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego. 24–33.
- STRAŚ, Ewa, 2011: Koncept BLISKOŚĆ we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego. Anna Zych (red.): *Русский язык в польской аудитории*. T. 3. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego. 71–83.
- WSF 1998 = *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*. Jurij Lukszyn (red.). Warszawa: Harald G Dictionaries.
- PSWP 1996 = *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*. Halina Zgółkowa (red.). T. 9. Poznań: Kurpisz.
- SFJP 1985 = Skorupka, Stanisław, *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. T. 1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna.